Александра Фомина

sarasin@yandex.ru

ОТЩЕПЕНЦЫ

Действующие лица

Заключенные: Алексей

Софья

Герман

Савелий Петрович- старший надзиратель (50+)

Андрейка – караульный

1882г. Россия. Петербург. Действие происходит в пяти помещениях: три одинаковые одиночные камеры Петропавловской крепости, кабинет надзирателя и комната Алексея.

Обстановка одиночных камер: узкая кровать, стол и табурет. Сливной туалет в углу: труба, вделанная в пол с расширением верхнего конца, похожего на граммофонную трубу. Умывальник. Маленькое непрозрачное оконце с решеткой наверху. Керосиновая лампа.

ДЕЙСТВИЕ 1

СЦЕНА 1

1.

Кабинет Савелия Петровича. Стол, стулья, шкаф, забитый документами. Самовар в углу на маленьком столике. Савелий Петрович сидит за столом и читает журнал. Входит Андрейка с пакетом в руках.

АНДРЕЙКА. Савелий Петрович, привезли тех троих.

Савелий Петрович не спеша рассматривает и распечатывает пакет.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Особой важности, значит, господа. *(Листает документы, выборочно читает вслух)* «Тайное сообщество, именующее себя русской социально-революционной партией. Ниспровергнуть посредством насильственного переворота государственный и общественный строй. Ряд посягательств на жизнь Священной особы в Бозе почившего государя императора Александра Николаевича. Убийства и покушения на убийство должностных лиц. Вооруженное сопротивление власти». *(Достает другой документ.)* «Смертная казнь через повешение. Помилованы высочайшим указом в бессрочные каторжные работы». По камерам развели?

АНДРЕЙКА. Так точно. В восьмую, девятую и десятую.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну что ж, пошли посмотрим. *(Берет с собой бумаги. Оба выходят).*

2.

Савелий Петрович и Андрейка по очереди открывают двери камер № 8, 9, 10. Смотрят на заключенных. Савелий Петрович читает документы вслух.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Номер восьмой. Алексей Васильев Кирсанов. Двадцати-пяти лет от роду. Окончил Московское реальное училище. Мещанин.

Андрейка закрывает дверь камеры Алексея. Оба переходят к следующей. Открывают ее.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Номер девятый. Софья Станислава Кацевич. Двадцати лет от роду. Дочь титулярного советника, уроженка Херсонской губернии. Воспитывалась на казенный счет в Одесской Мариинской женской гимназии.

Закрывают дверь камеры Софьи, открывают камеру Германа.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Номер десятый. Герман Борисов Сологуб. Двадцати-четырех лет от роду. Дворянин. Уволен из Технологического института за организацию беспорядков между студентами. *(Делает Андрейке знак рукой закрыть камеру.)* Пойдем-ка чайку попьем. А то неделю уж отслужил, да так и не поговорили.

Оба возвращаются в кабинет Савелия Петровича.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ *(наливает чай в стаканы)*. Ну что, Андрейка, пообвыкся у нас?

АНДРЕЙКА. Так точно.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ *(передразнивает).* Так точно... Чай не чужие. Когда одни, можно и по-родственному. Садись, чайку попьем. Мать давеча письмо прислала. *(Достает из ящика стола письмо.)* Значит, очень уж не хотел ты на фабрике работать?

АНДРЕЙКА. Не хотел.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А что?

АНДРЕЙКА. Да от фабрики этой не разбогатеешь. За комнату плати, и за дрова, и за харчи. Ничего не остается. А еще…Уж больно народ там развязный. Бойкий. А у меня Аксинья. Красивая она. Мы ж вместе туда поступили поначалу. Как семейные.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Это да. Обычаи-то заводские я знаю насчет баб молодых.

АНДРЕЙКА. Вот мы и вернулись в деревню. А там сейчас совсем уж невмоготу. Мать с Аксиньей «в кусочки» ходят.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Милостыню, что ли, просят?

АНДРЕЙКА. Нет. «В кусочки». Это вот, кончился хлеб еще зимой. Ты по людям идешь, в другие деревни тож. Все больше, конечно, дети малые с бабами да старики. Придут. Стоят. Хозяйка выносит им кусочки хлеба. По кусочку на каждого. Даже если у самих мало, надо вынести. Так и собирают на всю семью. Потом и мы другим давать будем, как сами разживемся. Так вот спасаемся всем миром.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. И что же, всегда так плохо жили?

АНДРЕЙКА. А почитай всегда. Даже в хорошие годы до нового хлеба не дотягивали. А потом и куры у нас попАдали в одну ночь. Коза померла. И как только мы ее не лечили: и припарки из трав делали, и язык купоросом мазали. В избу брали в холода. Водой святой кропили, свечками окуривали. Ничего не помогло. Так и захирели мы совсем. А соль купи. Постное масло купи. Одежу кой какую надо. Подати заплати.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А что ж, работы-то за деньги в деревне нет?

АНДРЕЙКА. За каждую копейку уж десять человек в очередь стоит. Куда я только не ходил. Как после Послания* баре все разорились, в город перебрались, служить, значит. Так полное обнищание крестьянства у нас пошло. А тут еще то земля не родит, то мор какой на скотину. Вот всяк сам по себе и спасается. И земли бы взяли, так одни неугодья и есть. Без лошади не вспашешь. Бедствует в деревне народ, ох как бедствует.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А что, детки-то у вас с Аксиньей есть?

АНДРЕЙКА. Нет. Бог миловал. Куда нам при таком житье.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Правильно ты к нам помыслил. У нас и жалованье, и служба три года за пять идет.

АНДРЕЙКА. Дядя Савелий, уж как мы всем семейством вам благодарны! Не забываете дальнюю родню. Уж мы и не знали куда податься. Вот крест, во век благодарны будем. Я матери с Аксиньей как первую дачку послал, так уж они плакали от счастья.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Ты служи хорошо. Глядишь, через годик-другой и повышение тебе пойдет.

АНДРЕЙКА. Мне бы что б жена с мамашей сыты были. А еще бы хозяйство поправить. Корову купить…Я б и уехал. Не нравится мне тут.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Дурак ты Андрейка. Деревенщина. А что уж. Каждому, видать, своя судьба. Корову, значит, хочешь?

АНДРЕЙКА. Если телочку по осени прикупить, по первому годку, так рубликов двенадцать выйдет. Только вот с телочкой то не угадаешь. То в рост не идет, то не загуляет в срок. Как еще телиться будет. А вот в соседнем имении барин холмогорок разводит. По шестьдесят пять рубликов продает. Двухлеток. Ох и хороши.

САВЕЛИЙ А сколько ты на фабрике получал?

АНДРЕЙКА. Шестнадцать рублев. Да еще не все на руки давали. Провизию у них в заводской лавке по карточкам заставляли брать.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Понятное дело. Всяк себе выгоду ищет. А тут ты и при жилье, и на харчах казенных. За год и корову купишь, и лошадку. Если служить хорошо будешь. А уж как служить, я тебе подскажу. Нелегко у нас, однако ж. Строго. Ну давай. Иди.

Андрейка уходит.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ *(читает журнал «Нива»).* «Английский холст против ревматизма. Продается в пакетах с описанием употребления по одному рублю. Двойной силы по два рубля». Надо бы прикупить от нашей сырости. *(Листает журнал дальше.)*

СЦЕНА 2

Прошла неделя.

1.

Одиночная камера Алексея (№8). Алексей делает гимнастические упражнения.

Одиночная камера Софьи (№9). Софья перестукивается с Германом через общую стенку.

Андрейка идет мимо камер, останавливается, прислушивается к перестукиванию Германа и Софьи. Открывает окошко в двери камеры Софьи.

АНДРЕЙКА. Стучать не положено. Пение, стук, шум, разговоры запрещены. За это карцер полагается.

Софья и Герман прекращают перестукивание. Герман начинает бить кулаком в железную дверь. Софья прислушивается у двери.

Одиночная камера Германа (№10).

Герман громко стучит в окошко двери.

АНДРЕЙКА *(отвечает, открыв окошечко).* Шуметь не положено.

ГЕРМАН. Позови коменданта! Я хочу сделать заявление. Я уже неделю здесь, а заявление у меня так и не приняли!

АНДРЕЙКА. Я доложил.

ГЕРМАН. Это черт знает что! Вы занимаетесь самоуправством. Под суд пойдете. Почему к нам не пускают родных? Почему передач нет?

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Это полное беззаконие. Мы этого так не оставим. Неси карандаш и бумагу!

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Тогда табаку дай!

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Принеси список книг! У вас должна быть библиотека для заключенных.

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Почему нас не водят на прогулки?

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Здесь отвратительно кормят. И этого совершенно недостаточно. Я требую улучшения питания!

Андрейка не отвечает и начинает закрывать окошко.

ГЕРМАН. Черт тебя возьми! Послушай, скажи, много здесь еще политических сидит? *(Андрейка закрывает окошко.)* Да подожди ты! *(Андрейка снова приоткрывает окошко.)* Ты передай от меня записку, а тебе пятьдесят рублей заплатят.

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Да что ты заладил одно и тоже! Хочешь сто?

АНДРЕЙКА. Сто рублев за бумажку…Ну и дела…

ГЕРМАН. Идиот.

Андрейка закрывает окошко и уходит. Герман в ярости пробует сдвинуть с места, прикрепленные к стене кровать, стол и табурет. Бьет кулаками в стену. Слышит стук из камеры Софьи. Яростно стучит в ответ.

2.

Кабинет Савелия Петровича. Савелий Петрович и Андрейка пьют чай.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. По осмотру ходил?

АНДРЕЙКА. Как положено. Каждый час.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Что там эти? Которых недавно привезли?

АНДРЕЙКА. Цельный день перестукиваются. Я предупреждал, что в карцер отведу.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Так и надо сразу вести.

АНДРЕЙКА. Так я ж…

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Ладно уж. А десятый?

АНДРЕЙКА. Кричит очень. Требует.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Неделю всего отсидел, а уже требует.

АНДРЕЙКА. Он хочет…

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Да знаю я, что они всегда хотят. Бумагу да карандаш, книги, с родными свидится, табаку и начальство позвать. Ну а ты что?

АНДРЕЙКА. Я как положено: не положено, говорю.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А он?

АНДРЕЙКА. Опять в дверь стучал. Что б на весь этаж слышно было. Идиотом меня назвал.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Эх, Андрейка…Мягок ты для нашей службы, как я погляжу. За такое недавно и в кандалы могли заковать на месяца.

АНДРЕЙКА. Да я…

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Все мне докладывай. В следующий раз такое услышишь, так в карцер его. И за стук тоже. Ведь знают черти, что не положено им стучать. Ничего им не положено. Ни свиданий, ни прогулок, ни книжек каких. Ничего. Политические по самому строгому режиму сидят. Да еще особые распоряжения на их счет. Важнейшие государственные преступники.

АНДРЕЙКА. Спаси и сохрани, Господи.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Они, вон, сначала в народ ходили, крестьян против помещиков подымать. Теперь за душегубство принялись. Слыхал про таких?

АНДРЕЙКА. Слыхал. Аккурат за год как я на фабрику ушел. Мужик, значит, у нас в деревне писарем записался, а баба – учительницей. Детишек учить. Ну, не баба, а барышня молодая. Как эта, в девятом нумере.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. И что?

АНДРЕЙКА. Книжки раздавали.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А что мужики?

АНДРЕЙКА. Дело известное. На цигарки те книжки разобрали. Читать-то никто не умеет. А еще я на фабрике агитаторов видел. Печатные листки преступного содержания подкидывали. Я не брал. А эти, которые у нас, сколько сроку у них?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Я ж тебе читал бумагу: без сроку они. Без сроку в каторжные работы.

АНДРЕЙКА. А чего в Сибирь не везут?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Высочайшее распоряжение на этот счет. От самого государя. Особо опасные, значит. С бомбистами связаны. Нельзя их, видать, в Сибирь. Одна шайка бандитская. «Народная воля» называется. И там всех перебаламутят.

АНДРЕЙКА. А барышня? Тож в одиночке бессрочно сидеть будет? Да как же это?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Вот ты дурында фабричная! Не барышня она. А нумер девятый. И запомни: если сказать ей чего надо будет, так ты на «ты» к ней обращайся. И к другим тоже. Ни на какие вопросы не отвечай. Говорю ж тебе: особое распоряжение на их счет. А бессрочного-то там ничего нет. К двум годам и помрут все.

АНДРЕЙКА. Как помрут?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Как есть помрут. От воспаления кишок. От цинги тож. Аль от чахотки. Или умом тронутся. На таком режиме всегда так. Ты на черном хлебе с квасом да щах пустых посиди-ка. Ну, крупы две-три ложки еще им заварят. И кипяток вместо чая. Один-одинешенек посиди. Да без воздуху. Без дела какого. И камера шесть аршин длины да четыре ширины. А поделом им. Ты вот что: мать пишет, ты грамотный?

АНДРЕЙКА. Грамотный. Я на фабрике от одного рабочего научился.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Вот и хорошо. Записывай и мне приноси.

АНДРЕЙКА. Так что записывать?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А все, что услышишь, так и записывай. Начальство о них очень беспокоится. Месячные ведомости посылать надо. А то и чаще требуют. Казнить – не казнили, а вот умором, как вижу, взять хотят. Так надо вовремя доложить, как и что. Глядишь, и повышение выслужишь. А пропустишь что, сам под раздачу и попадешь.

АНДРЕЙКА. Да как же я запишу? Они ж не говорят, стучат.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Так и ты научись. Это ж «бестужевка». Азбука такая специальная. Для перестукивания. Бестужев, декабрист, придумал. Ну а потом уж все политические подхватили. Стучать им запрещено, а ты дай. Немножко то дай постучать. Надо ж и нам знать, чего там они помышляют. Где ж она у меня была…табличка - то… *(Ищет в ящиках стола, находит старый листок бумаги.)* Смотри вот: алфавит на строчки поделен. На шесть, значит, строчек. Сверху номера букв пишешь. А слева – ряды. В каждом ряду пять букв. Сначала стучишь номер ряда. Не спеша стучишь. Потом погодь чуток. А потом номер буквы из верхней строчки. Тут побыстрее. Гляди. Надо тебе, к примеру, имя свое выстучать. В бумажку смотри. *(Стучит по столу соответственно таблице.)* Понял? Так и выучишь. Без бумажки понимать будешь.

АНДРЕЙКА. Хитро.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Я сам не хуже их на слух эту азбуку разбираю. Все их разговоры понимаю. За что начальством мнОгажды бывал отмечен. Так что, ты поучи азбуку-то. Бери вот листочек и заучи. И вот еще: очень уж они охочи до политических разговоров. Агитировать, значит. Нечаев-то вот, главный их душегубец, у нас сидел. Так агитировал, что двадцать человек охраны потом под суд пошли. Так что, как на политическое рот откроют, сразу окошко-то и закрывай. Ну все, иди.

Андрейка выходит. Савелий Петрович просматривает бумаги на своем столе.

СЦЕНА 3

Прошел месяц.

1.

Камера Германа (№10). Герман ритмично стучит миской по двери камеры. Андрейка открывает окошечко.

АНДРЕЙКА. Чего надо?

ГЕРМАН. Эй, служивый! Мне нужно еще одно одеяло. Смотри, здесь все в плесени. *(Проводит рукой по стене, собирая плесень пальцами, показывает Андрейке.)* И бумаги бы. И книги принеси. Ты посмотри, хлеб с червями! Я нарочно не ел. Вот. *(Показывает Андрейке кусок хлеба.)* И мяса в щах нет, одна вода. Еще прогулки положены. Воздух свежий, понимаешь? Ты доложи кому следует.

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Как это не положено? Я не первый раз сижу. Знаю, что положено, а что нет. Послушай, ну я ж по-хорошему прошу. Ты – человек, али аспид какой? Принеси мне бумаги. Я протест напишу в департамент полиции.

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Так доложи надзирателю!

АНДРЕЙКА. Я докладывал.

ГЕРМАН. Вы что, не понимаете? Такой режим совершенно губителен для здоровья! Я помилован. По-ми-ло-ван. Значит, мне все положено, что для жизни нужно. Пусть даже в тюрьме. Послушай, я ж вижу, что ты все понимаешь. У меня мать больная. Я ее уже год не видел. Боишься записку нести - сходи по адресу, я тебе скажу куда и что на словах передать. Не пожалеешь. Ну?

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН *(ударяет кулаком в стену)*. Я вижу: ты – честный человек. И ты знаешь, почему мы здесь. Мы здесь ради тебя. Ради таких как ты. Потому что хотели облегчить страдания нашего бедного народа. Снять с него гнет государства. Передать ему власть. Ты понимаешь? Передать власть таким людям как ты! (*Андрейка закрывает окошко, уходит.)* Сволочь. Вот такие и пойдут у нас по первой категории: «неотлагаемо осужденные на смерть».

Ходит по камере, чертыхается, бьет кулаками в стены, ложится на кровать, встает. Наконец, успокоившись, начинает перестукиваться с Софьей.

2.

Камера Алексея (№8).

Алексей отжимается от пола. Закончив упражнения, некоторое время медленно ходит по камере, отдыхая. Подходит к стене, на которой нацарапано множество едва различимых букв и цифр.

АЛЕКСЕЙ. Вот чертова плесень. Так и со счета собьешься. *(Ложкой прочерчивает заново символы на стене.)* Значит так…Сегодня 12 июня. Месяц отсидели *(В другом месте на*

стене ставит отметку месяца.) Теперь арифметика. (*Закрыв глаза, тычет пальцем в стену. Открывает глаза, смотрит, на какую цифру попал его палец.)* Один. *(Тычет пальцем второй раз.*) Три. Тринадцать. *(Тычет еще раз.)* Пять. *(Еще раз.)* Два. Пятьдесят два. Тринадцать умножить на пятьдесят два. Так…(*Ходит по камере, жестами пишет на воображаемой доске.)* Шестьсот семьдесят шесть. Умножить на…(*Снова тычет пальцем в стену, выбирая цифру.)* Девять. *(Думает некоторое время.)* Шесть тысяч восемьдесят четыре. Умножить на…(*Тычет пальцем в стену.)* Два. Двенадцать тысяч сто шестьдесят восемь. Теперь разложим на простые числа. Делим на два. Опять шесть тысяч восемьдесят четыре. На два. Три тысячи сорок два. Еще раз на два. Тысяча пятьсот двадцать один. Хм…На три. Пятьсот семь. Еще раз на три. Сто шестьдесят девять. И сто шестьдесят девять делим на…тринадцать. Получаем тринадцать.

С облегчением выдыхает. Замечает таракана, бегущего по полу.

О! Еще одна живая душа. (*Пытается поймать таракана.)* Шустрый! Ладно, ладно. Не буду я тебя ловить. *(Пытается найти крошки хлеба на столе.)* Эх, нечем мне тебя угостить. С ужина тебе хлебушка оставлю. Куда это ты??? *(Залезает под кровать, пытаясь найти щель, в которую убежал таракан. Вылезает. Продолжает заниматься математикой.)*

Из камеры Софьи раздается стук. Алексей прикладывает ухо к стене. Взволнованно ходит по камере, не зная, что отвечать. Через некоторое время стучит в ответ. Ответный стук Софьи.

3.

Камера Софьи (№9)

Софья лежит на кровати. Встает, кое-как приводит в порядок волосы, стучит в окошко двери.

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Чего надо?

СОФЬЯ. Послушай, любезный. Здесь совершенно невыносимые условия. Я мерзну. А сырость какая! Что же будет осенью и зимой? И я не могу это есть (*Протягивает Андрейке хлеб.)* Разве это хлеб? Это черт знает что. Я же тебе говорила. Позови надзирателя. Нет, лучше коменданта. Я заявлю протест! И еще: я требую перевести меня в другую камеру. Так и передай.

АНДРЕЙКА. Начальству доложено.

СОФЬЯ. От твоих докладываний никакого толка. Я буду жаловаться. Я прошение на высочайшее имя напишу. Вы думаете, что такое издевательство над людьми сойдет вам с рук? Наши товарищи сообщат во все газеты о бесчеловечных условиях нашего заключения здесь. И принеси мне книги, наконец. Это же невозможно сидеть вот так! Кроме того, нам положены прогулки и свидания с родными.

Андрейка, не отвечая, закрывает окошко.

СОФЬЯ. Да подожди ты! Принеси мне бумагу, я напишу, что мне нужно. Понимаешь? Гребень для волос. Ножницы. Еще…

АНДРЕЙКА. Не положено.

СОФЬЯ. Что не положено? Ты знаешь, кто мы такие и за что здесь?

АНДРЕЙКА. Слыхал.

СОФЬЯ. Есть у тебя совесть и честь?

АНДРЕЙКА. У всех есть, чего ж у меня не быть.

СОФЬЯ. Каждый честный человек, человек с совестью и честью не должен молчать, когда на его глазах душится все лучшее и свободное, что есть в России. *(Андрейка не отвечает и начинает закрывать окошко.)* Постой! Скажи хотя бы, когда нас повезут на каторжные работы?

АНДРЕЙКА. Я и без совести знаю. У нас будете сидеть. Бессрочно.

СОФЬЯ. Я не верю! Этого не может быть!

Андрейка закрывает окошко и уходит. Софья продолжает стоять около двери.

СОФЬЯ *(кричит в закрытое окошко).* Это полное беззаконие! Нас скоро освободят! Оправдают! Как оправдали Веру Засулич. Мы выйдем отсюда. И тогда вы за все ответите!

Савелий Петрович, проходя по коридору, останавливается и слушает крики Софьи.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну покричи, покричи.

СОФЬЯ. Долой самодержавие! Мы разрушим все каторги и тюрьмы, где держат наших товарищей! Мы освободим Россию! Мы приведем ее к новой счастливой жизни для всех! Даже если ценой этому будет наша собственная жизнь. Я требую позвать коменданта!

В волнении ходит по камере. Прикладывает ухо к двери. Пытается услышать хоть что-нибудь. Наконец, не в силах сдержаться, плачет навзрыд. Савелий Петрович идет к себе в кабинет.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Оправдали Засулич. Девка стреляет в губернатора, а ее оправдывают. Вот и доигрались. Эх, я б вас всех...

СЦЕНА 4.

Прошло три месяца.

1.

Камера Германа (№10).

ГЕРМАН (*стучит миской по двери).* Эй! Иди сюда. Да подойдешь ты или нет? *Никто не отвечает на его крики. Постучав некоторое время, Герман садится на кровать, обхватывает голову руками и начинает раскачиваться из стороны в сторону. Что-то бормочет. Потом резко вскакивает и снова кидается к двери. Изо всех сил стучит миской по окошечку двери, кричит, ругается. Залезает на стол и прыгает на пол, стараясь произвести как можно больше шума.*

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Прекратить шум!

ГЕРМАН *(продолжая стучать).* Ты где ходишь?

В коридоре появляется Савелий Петрович. Подходит к Андрейке, который уже открыл окошко.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Прекратить безобразие! Опять в карцер захотел?

ГЕРМАН. Я требую предоставить мне книги и дополнительное питание!

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А ну, замолчать!

ГЕРМАН. Нам положены прогулки каждый день! Я требую медицинский осмотр! У меня ноги опухают! Вы посмотрите, чем вы нас кормите! Ворье. Наживаетесь на нас! Вот!

(Тычет в окошко кусок хлеба. Кричит изо всех сил, стараясь, чтобы его было слышно в коридоре.) Товарищи! Давайте разобьем окна в наших камерах и будем кричать «помогите»! Нас живыми замуровали в гробы! В могилы! Будем кричать и бить кулаками в двери до тех пор, пока они нас всех не расстреляют или не придушат!

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Ах ты ж сволочь!

ГЕРМАН. Как вы смеете со мной так разговаривать?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А ты сиди смирно, и никто тебе слова не скажет.

ГЕРМАН. Ты почему, скотина, ко мне на «ты»?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. В карцер его!

Андрейка и Савелий Петрович входят в камеру, валят Германа на пол и бьют ногами. Тащат за ноги по полу из камеры.

2.

Камера Алексея (№8).

Алексей ходит по камере с задумчивым видом, что-то бормочет про себя, жестикулирует. Он сочиняет стихи. Услышав шум, прислушивается к происходящему в коридоре. Когда крики Германа стихают, он подходит к стене и начинает стучать, переговариваясь с Софьей.

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Прекратить стук!

Алексей перестает стучать. Продолжает ходить по камере, сочиняя стихотворение. Наконец, закончив, читает его вслух. Кашляет. Андрейка подсматривает за ним в глазок.

АЛЕКСЕЙ. (**) И опять палачи! Сердца крик, замолчи!

Снова в петле качаются трупы.

На мученье бойцов, наших лучших сынов,

Смотрят массы, безжизненно тупы.

Нет! Покончить пора! Ведь не ждать нам добра

От царя с его сворой до века.

И приходится вновь биться с шайкой врагов

За свободу, права человека...

Не прощать никого! Не щадить ничего!

Смерть за смерть! Кровь за кровь! Месть за казни!

И чего ж ждать теперь? Если царь — дикий зверь,

Затравим мы его без боязни!

Надо же…Вот я уже и поэт. Надо зазубрить, пока не забыл. *(Повторяет стихотворение наполовину вслух, наполовину про себя.)*

Раздается стук из камеры Софьи. Алексей прикладывает ухо к стене. Андрейка в коридоре, прислонив ухо к железной двери камеры Софьи, подслушивает. Услышав ответный стук переходит к двери Алексея. Записывает услышанное в блокнот, медленно проговаривает вслух.

АНДРЕЙКА *(читает стук Софьи).* Германа опять увели в карцер. Там нет кровати и одеяла. Спит на полу. Дают только кипяток и хлеб. Он там уже третий раз. Не выдержит. Почему ты не поддерживаешь наши требования. Надо протестовать всем вместе. *(Ответный стук Алексея.)* Мы ничего не добьемся. Они специально это делают. Вспомни декабристов. Их также мучили первый год. Не надо терять силы на бесполезную борьбу. *(Ответный стук Софьи.)* Мы так скоро умрем. У Германа опухла нога. *(Стук Алексея.)* У меня тоже. Это цинга. Надо продержаться. Сохранить силы. *(Стук Софьи.)* Сколько продержаться. *(Стук Алексея.)* Я не знаю. Год или два. *(Стук Софьи.)* Я не смогу. Я не понимаю, когда день и ночь. Мне холодно. Они все время смотрят в глазок. Какое сегодня число. *(Ответный стук Алексея.)* Десятое сентября. Запиши на стене. Мы сидим уже четыре месяца. Занимай себя делами. Сочиняй стихи. Вспоминай события из жизни. Делай упражнения по математике. Ходи по камере пять верст каждый день. Четырнадцать тысяч шагов. Гимнастику. Говори вслух сама с собой. По-французски тоже говори. Не лежи. Не плачь. *(Стук Софьи.)* Когда нас повезут на каторгу? *(Стук Алексея.)* Нас туда не повезут. Это очевидно. *(Стук Софьи.)* Я с ума сойду. *(Стук Алексея.)* Не волнуйся. Я рядом. Я сегодня сочинил стих. Послушай. «И опять палачи, сердца стук замолчи…»

Алексей продолжает выстукивать свое стихотворение, но Софья, разрыдавшись, бросается на кровать.

3.

Камера Софьи (№9).

Софья лежит на кровати и рассматривает свои ступни. Пытается зубами отгрызть отросшие ногти на ногах. Плачет от невозможности сделать это. Через некоторое время с трудом поднимается и идет к туалетному сливному отверстию в углу. Поднимает подол платья, но слышит звук за дверью. Это Андрейка смотрит в камеру через глазок. Софья бросается с кулаками на дверь. Кричит и стучит кулаками в дверь.

СОФЬЯ. Прекрати подсматривать! Это невыносимо! За что вы нас мучаете? Я так больше не могу. Я не могу больше здесь находиться! Наш приговор - к каторжным работам, а вы обрекаете нас на полное физическое и умственное бездействие. Отправьте на каторгу! Если помиловали, зачем медленно убивать? Я не хочу тут умирать. Хоть на прогулку меня отведите. Я здесь задыхаюсь. Я буду кричать весь день. Ведите меня в карцер. Пусть я там умру. Товарищи отомстят за меня. Вы ответите за ваши преступления. *(Продолжает стучать кулаками в дверь. Вдруг так же внезапно успокаивается. Снова идет к сливному отверстию. Поднимает подол. Пристально смотрит на дверь. Нарочито, без стеснения оправляет платье. Подходит к двери. Стучит в окошко.)*

АНДРЕЙКА. Чего надо?

СОФЬЯ. Послушай, как тебя зовут?

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Не положено спрашивать.

СОФЬЯ. Ты как попугай всё одно повторяешь. Принеси мне ножницы. Мне нужно ногти на ногах подстричь. На руках я сама обгрызаю, а там не получается. Ты же видел. Подсматривал за мной.

АНДРЕЙКА. Не положено. *(Закрывает окошко и уходит.)*

Софья пожимает плечами и начинает бодро ходить по камере, считая шаги вслух, но быстро устает. Садится на кровать.

СОФЬЯ. Я так больше не могу. Господи, я так больше не могу.

Плачет. Ложится на кровать, закрывается одеялом с головой.

4.

Камера Алексея (№8).

Некоторое время Алексей стоит около стены и двери, прислушиваясь. Потом собирает крошки хлеба со стола и высыпает их в угол. Делает гимнастику. Быстро устает, садится на табурет и ждет.

АЛЕКСЕЙ *(видит таракана, который бежит к крошкам хлеба).* Пришел, наконец. Ты же знаешь, когда обед. Вижу, не хочешь ко мне приходить. Прикорма мало. А у меня, смотри, как ноги опухли. Видно, цинга. И наступать больно. А все равно ходить надо. *(Медленно ходит по камере, разговаривая с тараканом.)* Мне сегодня деревня наша снилась. Балуево. Мологского уезда Ярославской губернии. Я там лет до десяти прожил. Потом мы в Москву уехали. Знаешь почему? У отца была первая жена. И дети от нее. Потом она заболела, и моя мать, ее сестра, ухаживала за ней. За детьми. Хозяйство вела. А после ее смерти осталась с отцом жить. У них дочь родилась, Вера, потом я. Отец венчаться с ней хотел. Все местные храмы обошел, архиерею в Ярославле прошение подавал, к мировым судьям жаловаться ходил – все отказали. Поэтому мы с Верой как незаконнорожденные считались. С материной фамилией. И отчеством по крестному отцу. И родители, получается, во грехе жили. А ведь мать моя великая труженица была и огромной души человек. Тяжело нашей семье в деревне было. В школе меня «девкиным сыном» называли. Били. Знаешь, именно поэтому я никогда «в народ» не ходил. Темные, злые люди в деревнях. Им не свобода нужна, а лишь бы себе кусок пожирнее урвать. Это те из наших, кто народа-то не видал, к нему и пошли. Наградили его какой-то святой правдой. *(Осматривает камеру.)* Ты еще тут? А, убежал уже…Отдохну-ка я немного. *(Сначала ложится на кровать, но тут же встает и садится на табурет.)* Рано еще лежать. Нельзя. *(Снова видит таракана.)* Опять прибежал? *(пауза)* А тебе ведь все равно, есть я или нет. Ты – природа. Божье создание. «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть, и равнодушная природа красою вечною сиять». Нет. Я не умру. Я выйду отсюда. Обязательно выйду. Надо быть готовым к борьбе. *(Некоторое время молча ходит по камере, наблюдая за тараканом.)* А теперь, Тараканыч, кыш отсюда! Я сейчас в бильярд играть буду. Зашибу тебя ненароком. *(Пытается отогнать таракана ногой.)* Вот дурак. Как зову тебя поговорить, так не дозовешься, а сейчас не прогнать. Как мы с Германом играли, когда у Сорокина в имении отсиживались…

Еле ушли тогда от филерОв. Месяц на улицу высунуться не могли. У Сорокина такая бильярдная зала была. Герман меня и научил. Он левша, так с левой бил…Эх…Ну, ничего. И один поиграю. Помнишь, как у Пушкина? «И после дома целый день, один в расчёты погруженный он на бильярде в два шара играет с самого утра.» Вот так и я.

Имитирует игру. Обходит воображаемый стол, примеривается к ударам, что-то говорит, наполовину про себя, наполовину вслух.

Так…Выкатка. В левую угловую лузу. Начну серию. Эх, чуть сильнее надо было ударить. Непростая ситуация на столе. А, тут масса вариантов. Какой бы шар снять…

5.

Кабинет Савелия Петровича.

Савелий Петрович и Андрейка пьют чай из самовара. Андрейка читает вслух записи из своего блокнота.

АНДРЕЙКА. «…делай гимнастику не лежи все время». А потом она кричать начала: выпусти да выпусти ее, умираю, мол.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Это уж как водится. Сначала натворят делов, а потом «выпусти».

АНДРЕЙКА. А то сидит по целым дням из стороны в сторону качается. Плачет.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Так тебе-то что?

АНДРЕЙКА. Молодая все ж.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Молодая, а не жалко. Да ей и прибавление в питании идет. А ты жалостливый, я погляжу. Такие вот молоденькие для нашего брата – самая опасность. Смотри, замечу послабление какое для нее, выгоню враз. Опять по миру с семьей пойдешь. Ни слова с ней говорить не смей.

АНДРЕЙКА. Да я чего, вот вам крест. *(Крестится.)* А только как она в бомбистки попала, все в толк не возьму.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А вот сейчас возьмешь. *(Достает из шкафа толстую папку, открывает.)* Дело ее, вот. На квартире у нее нашли. *(Читает.)* «… готовые метательные снаряды подобно тем, что были использованы при злодеянии 1 марта, гранаты, заряженные

порохом и картечью, яды – опий, стрихнин и цианистый калий, два кинжала, стилет, девять финских матросских ножей, два револьвера, патроны и большое количество дроби. Обеспечивала постоянное сообщение между разными отделениями преступного сообщества, а также передачу и распределение денежных средств, полученных путем грабежа из правительственных учреждений».

АНДРЕЙКА. А по виду и не скажешь.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Это еще не все. Много там чего понаписано. Та еще штучка. Сама по подложному паспорту жила и главных душегубцев - зачинщиков укрывала на своей квартире. Ну, их-то казнили, а ее, вот, к нам.

АНДРЕЙКА. Никак я не пойму, чего хотят.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Известно, чего: истребить все начальство и самим, значит, управлять.

АНДРЕЙКА. Да как же это. Аль подкупил их кто? Может, турки? Озлобились на нас после войны.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. *(пауза)* Да нет. На такие муки за чужое дело не пойдешь. А вот сами хотят. Ведь от семьи отреклись. Деньги свои на общее дело отдали. Это у них правила такие. В шайке ихней.

АНДРЕЙКА. Чудят люди. Зло чудят.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Они, видишь, думали, что царя убьют, народ и подымется против помещиков. Революцию, значит, устроит.

АНДРЕЙКА. Да им то это зачем? Вот уж мы – голытьба деревенская. А и то не бунтуем.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Кто ж их знает, чего им не хватало. Отщепенцы. Одно слово. А все ж кормимся мы от них, Андрейка. *(пауза)* А этот, из восьмой камеры, правильно ей советует. Человек себя всегда делом занимать должен. В строгости держать. Все беды от безделья. От воли.

АНДРЕЙКА. И то я заметил. Здесь, в городе сколько пропойных то, не сосчитать. По кабакам сидят. У нас по деревням крепко могут мужики выпить. Так на утро в поле идут. По найму тож. А здесь по неделям пьют.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. В городе денег много. И баловства. Вот и распускают себя людишки-то. А эти все равно помрут скоро. Вот, Нечаева-то, так и уморили два года назад недостаточным питанием. Говорят, сам директор департамента полиции Петр Николаевич Дурново распорядился. Ох, забыл. Распоряжение ж пришло. *(Читает документ.)* «Исключить малейшие контакты между осужденными путем перестукивания». Ты понял? Девятый номер оставь, а этих двоих переводи, что б через пустые камеры от нее сидели. В седьмую и одиннадцатую. Вот и постучат в пустоту. Понял?

АНДРЕЙКА. Понял. А хлеб-то и правда с червями у них. У нас даже «на кусочки» такой не подают.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Не наше это дело.

СЦЕНА 5

Два года назад.

Комната Алексея. За столом сидят Алексей и Софья. Софья плачет. Входит Герман.

ГЕРМАН. Что это с ней?

АЛЕКСЕЙ. Отец вчера приезжал.

ГЕРМАН. Уговаривал ехать домой?

АЛЕКСЕЙ. Да.

Некоторое время все молчат.

СОФЬЯ. Он у меня учитель. В народном училище. Говорил, что я глупый, уродливый человек. Я сказала, что порвала с прежней жизнью. Он ударил меня по лицу. Потом сам заплакал.

АЛЕКСЕЙ. Почти ни у кого нет понимающих родителей.

ГЕРМАН. Это какой-то особый российский парадокс. Все самое передовое, нужное, смелое делается у нас чуть ли не детьми. А родителям их и дела нет, что Россия, народ гибнут под ненавистным гнетом самодержавия.

СОФЬЯ. Мы не будем жить как они. Я не хочу. И не могу. Лучше смерть, чем такая жизнь.

АЛЕКСЕЙ. Умирать, надеюсь, не придется. А если уж так..

ГЕРМАН. Мы без колебаний пойдем на смерть.

Все трое обнимаются. Софья продолжает плакать.

СЦЕНА 6.

Шесть месяцев заключения.

Алексей, Софья и Герман сидят в других камерах. Номера у камер другие, но внутренняя обстановка такая же, как и в прежних.

1.

Камера Германа (№11).

Герман неподвижно сидит на кровати. Вид у него ужасный. От цинги распухли ноги. Он пытается встать. Падает. Кричит от боли. Поднимается, подходит к двери. Ждет. Через некоторое время раздается лязганье окошка в двери.

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Ужин.

ГЕРМАН. Братец, прошу тебя, скажи какое сегодня число?

АНДРЕЙКА. Пятнадцатое ноября.

ГЕРМАН. Уже осень? Я потерял счет дням. У меня постоянно кружится голова. Кто дал вам право так издеваться над людьми? Как ты можешь служить этой власти, когда лучшие люди гибнут в этих темных застенках?

АНДРЕЙКА. Так все служат. Как не служить-то? У меня маманя, Аксинья. Родня еще.

ГЕРМАН. Мы всем пожертвовали ради таких как ты. Понимаешь, всем. Личным счастьем. Состоянием. Общественным положением. Семьей.

АНДРЕЙКА. Чудак ты, барин.

ГЕРМАН. Пожалуйста, принеси мне белого хлеба и молока. Я скоро выйду отсюда, расплачусь с тобой.

АНДРЕЙКА. Не положено. Не дай бог заметят, что я с тобой разговариваю. Донесут на меня. Я ж чужой тут. Не по чину, значит. Нельзя мне взыскание от начальства получить.

ГЕРМАН. Передашь записку Софье, а? И Алексею.

АНДРЕЙКА. Не положено.

ГЕРМАН. Ты – природный российский дурак.

АНДРЕЙКА *(обиженно).* Раз дурак, так и говорить не о чем. Держи вот. *(Наливает ему щей в миску).*

К Андрейке подходит Савелий Петрович. Заглядывает в окошко. Герман, видя его, приходит в волнение.

ГЕРМАН. Я прошу вас дать мне молока и белого хлеба. Этот я не могу больше есть. Не переваривает желудок. И доктора позовите. Пусть в лазарет меня положит. Я ходить почти не могу. Дайте мне бумагу, я напишу прошение. Я больше не могу выносить эту бессодержательную жизнь. Дайте мне какое-нибудь физическое занятие. Работу. Какой-нибудь пищи для ума. Воздуха. Я умираю в этой сырой могиле. Или уж казните меня.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Доктор у тебя был три дня назад. *(Уходит.)*

ГЕРМАН *(торопливо говорит Андрейке).* Принеси мне масла. И сала. Я тебе заплачу. Ну, сколько ты хочешь за кусок сала? Пятьсот рублей? Тысячу? Сто тысяч?

Андрейка, не отвечая уходит. Герман берет миску и кружку. С трудом поворачивается и понимает, что не сможет донести их до стола, не расплескав содержимого. Опускается на пол. Ест тут же на полу около двери. На четвереньках ползет к окну. Кидает в него миску, она ударяется о решетку. Плачет. Стонет от боли. Доползает до кровати и пытается получше закутаться в одеяло.

ГЕРМАН. Господи, дай мне заснуть.

2.

Камера Алексея.

Алексей разговаривает с тараканом.

АЛЕКСЕЙ. Быстро ты бегаешь. Простору у тебя везде много. А мне четыре шага и разворот. *(Играет с тараканом, ногами преграждая ему дорогу.)* С ноготь длиной, а

полсажЕни в секунду пробегаешь. Молодец. Это ж как мне надо бежать, что б по скорости тебе соответствовать…Хм. В одной сажени таких как ты ….*(считает в уме)*…примерно сто сорок штук будет. В полсажени – семьдесят. Во мне шесть футов росту. Значит, бежать мне нужно…Пятьдесят две сажени в секунду. Не догнать. И раньше б не догнал, а уж теперь…

Встает. Морщится от боли в ногах. Начинает ходить по камере, разговаривая с тараканом.

Эх, жаль, что я в бога не верю. Еще час-другой молитвой бы занял. А ведь наша семья очень религиозной была. Мы каждое воскресенье в церковь ходили. Все посты соблюдали. Знаешь, когда я впервые засомневался в милосердии и справедливости божьей? Мне лет девять было. Я прочитал рассказ о пророке Елисее. Он был плешивый, и дети его дразнили. Бежали за ним до леса, куда он ходил молиться, и кричали «Плешивый, плешивый». И вот один раз, когда они так бежали и кидали в него землей, из леса выскочили две медведицы и растерзали сорок два ребенка. Я и спросил отца Ивана, он у нас закон божий преподавал. Говорю: ведь закон божий учит, что все совершается по воле бога, ничего не проходит без его указания, значит, бог направлял детей над человеком издеваться, а потом зачем-то на них двух медведиц натравил. Ну, отец Иван рассердился, обозвал меня безмозглым дураком. Начал объяснять, что так бог предостерегает других людей от дурных поступков. А мне велел стоять столбом целый урок. *(Некоторое время молча ходит по камере.)* А знаешь что…Можно ведь и без веры молиться. Главное, голову чем-то занимать.

Неловко становится на колени и молится, устремив взгляд на окно.

3.

Камера Софьи (№9).

Софья растрепанная, с черными кругами под глазами медленно и вяло стучит миской в стену, проговаривая свое сообщение вслух. Периодически кашляет.

СОФЬЯ. Кто-нибудь меня слышит? Я – Софья Кацевич. Арестована…арестована…в ноябре…или декабре…Нет. Тогда нас сюда привезли. А арестовали…наверно… в мае. Или апреле…Не помню. *(Продолжает говорить по-французски.)* Je suis Sofia Katzevich. Arrêté en mai… *(Прекращает стучать. Ходит по камере.)* Дважды два – четыре. Дважды три – шесть. Дважды четыре …*(Продолжает считать про себя.)*…трижды восемь…трижды восемь…(*Трет лоб, пытаясь вспомнить. Не может. Молча ходит по камере.)* «Когда в

печальный час умрут все ваши грезы…грезы…и счастья луч уйдет от вас…к чему скорбеть о днях былых и лить алмазы-слезы». Откуда я это знаю? *(Бесцельно стучит по стене в разных местах, слышит шорох за дверью, бросается к окошку двери, прислушивается. Кричит.)* Прекрати подглядывать за мной! Я знаю, ты подглядываешь! Ты все время подглядываешь!

АНДРЕЙКА *(говорит через окошко).* Как мне положено на дежурстве, так я и смотрю.

СОФЬЯ *(в крайнем раздражении).* Ты врешь! Какое сегодня число? Говори какое сегодня число!!

АНДРЕЙКА. Шестнадцатое ноября.

СОФЬЯ. Не может быть. Ты опять мне врешь. Сколько я уже здесь…*(Морщит лоб, пытаясь вспомнить).*

АНДРЕЙКА. Да почитай уж полгода.

СОФЬЯ. Это неправда! Я считала! Сегодня…Сегодня…Я здесь уже...

АНДРЕЙКА. Полгода и есть.

СОФЬЯ. Я тебе не верю. Скажи...Со мной привезли еще двоих товарищей. Алексей Кирсанов и Герман Сологуб. Они здесь?

АНДРЕЙКА. А где ж еще?

СОФЬЯ. Расскажи мне про них.

АНДРЕЙКА. Не могу я тебе про них рассказывать. Нельзя мне выговор от начальства получать. Мы на корову холмогорской породы деньги копим. Уж маманя с женкой моей присмотрели. Барин один у нас их разводит. Никак мне сейчас нельзя провиниться.

СОФЬЯ. Какая корова?? Что с моими товарищами?

АНДРЕЙКА. Разговаривать не положено.

СОФЬЯ. Ты же говоришь со мной про какую-то корову!

АНДРЕЙКА. Так это ни об чем.

Софья начинает сильно кашлять. Наконец, приступ проходит.

СОФЬЯ. Ты видишь, я очень больна. Пусть меня заберут отсюда в лазарет. Мне нужно выйти отсюда. Я не могу здесь больше!

АНДРЕЙКА. Тебе доктор лекарства приносит. И молоко каждый день. У твоих товарищей и того нет.

СОФЬЯ. Они больны?

АНДРЕЙКА. Да тож не здоровы.

СОФЬЯ. Как можно быть такими жестокими? Ты – не человек! Вы все – не люди! Преступники!

АНДРЕЙКА. Я стрихнином и опием людей не травил.

СОФЬЯ. При чем здесь стрихнин?

АНДРЕЙКА. У тебя ж на квартире и стрихнин, и опий нашли. И не токмо яды.

СОФЬЯ. Да! Да! Мы все это использовали, чтобы уничтожать таких как ты! Мы всех вас уничтожим! Мы…*(От крика у нее опять начинается приступ кашля.)*

Андрейка молчит. Софья перестает кашлять и успокаивается.

СОФЬЯ. Я жила на квартире. Печатала прокламации. Разносила их по адресам. У меня жили товарищи. Я передавала письма. Деньги.

АНДРЕЙКА. Ты б лучше замуж шла.

СОФЬЯ. Нет. Это не для меня.

АНДРЕЙКА. Почему?

СОФЬЯ. Я всегда хотела жить свободной жизнью.

АНДРЕЙКА. Какая ж свободная, если по подложному паспорту?

СОФЬЯ. Так надо было. *(пауза)* Мы мечтали о…*(Не может сформулировать).*

АНДРЕЙКА. Еще что политическое скажешь, уйду.

СОФЬЯ. Хорошо, хорошо. Я не буду. Ты мечтаешь о чем-нибудь?

АНДРЕЙКА. Корову купить. Об этом и мечтаю. Что б поскорее.

СОФЬЯ. Корову?

АНДРЕЙКА. Так холмогорку. Я ж говорил. Корова такая. Породная. У нас в деревне никогда таких не было. Барин один разводит. Сначала хотели телочку брать, да передумали, потому как с телочкой мороки много. А с такого жалованья можно и корову купить! На развод. Вот уж повезло так повезло, что Савелий Петрович меня сюда взял. У нас-то в деревне и копейку не заработаешь. А на фабрике…Дурных людей много.

Софья смотрит на него и плачет.

АНДРЕЙКА. Ну вот…Я что ль тебя расстроил? Что за баба….*(Закрывает окошко.)* Отщепенка. Одно слово. Не хотят люди жить как есть, ох не хотят. *(Уходит).*

4.

Камера Германа.

Герман стоит посреди камеры, скрестив руки на груди и смотрит на дверь. Через некоторое время за дверью раздается шум. Андрейка открывает окошко.

АНДРЕЙКА. Кипяток принес.

ГЕРМАН. Ты –агент Третьего отделения?

АНДРЕЙКА. Чего?

ГЕРМАН. Я теперь не сплю. Вам не удастся тайно меня прикончить.

АНДРЕЙКА. Вот дурак человек. *(Закрывает окошко.)*

Герман залепляет кусочком хлеба глазок на двери камеры. Становится напротив двери и смотрит. Через некоторое время окошко открывается.

АНДРЕЙКА. Не положено закрывать глазок. За это карцер полагается. Открывай.

Герман не двигается с места. Андрейка уходит и через некоторое время возвращается вместе с Савелием Петровичем. Оба входят в камеру.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Открывай глазок.

Герман не двигается с места.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. По-хорошему говорю: открывай.

Герман продолжает стоять на месте и молчать.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Если сейчас не откроешь – пойдешь в карцер на трое суток.

Герман не реагирует. Андрейка за шиворот тащит его из камеры.

ГЕРМАН (*кричит изо всех сил).* Убийцы! Сволочи! Душители! Товарищи! Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение. Наша задача - сплотиться в одну непобедимую, всесокрушающую силу.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Пошла контора свой Катехизис писать. Слыхали уже.

5.

Прошло три дня.

Камера Софьи.

Софья ходит по камере. Говорит вяло и медленно, спотыкаясь на некоторых словах, постоянно подкашливает. Подходит к стене. Вяло стучит и проговаривает.) Кто-нибудь меня слышит? Я – Софья Кацевич. Арестована… *(Перестает стучать. Подходит к стене, где у нее нацарапана одна дата.)* Сегодня двадцатое ноября. Алеша говорил, что надо записывать даты. Надо что-то вспоминать. Чтобы не разучиться говорить. Что я помню... Мне было 6 лет. Крестная подарила мне кухонную плиту. Как настоящую. Коричневую. С конфорками и духовкой. Дверца у нее открывалась. Я Диккенса читала. Что же я читала? Не помню. Я плакала. Что я помню? Я печатала листки. Краска очень пачкалась. Руки было трудно отмыть. (*С трудом встает на колени на пол.)* Господи, не дай мне умереть в этой постели, господи, я не хочу умирать…вот так…умереть в тюрьме на этой кровати…это ужасно…я не хочу…За что, господи, за что? *(Плачет и молится).*

Окошко двери открывается. Софья подходит к двери.

АНДРЕЙКА. Подь сюда. На вот. *(Передает Софье яблоко.)*

СОФЬЯ . Скажи мне… Я слышала…Герман еще в карцере? Он жив?

АНДРЕЙКА. Жив. Сначала бесновался там. По стенам бился. Все руки себе в кровь разбил, голову. Потом затих. Сегодня обратно его привели.

СОФЬЯ. Скажи, нам дадут книги? А прогулки? Когда?

АНДРЕЙКА. Да откуда ж я знаю? *(Уходит.)*

Софья прижимает яблоко к груди и снова ложится на кровать. Пытается укрыться с головой одеялом. Кашляет. Плачет. Тишина.

6.

Герман молится, стоя на коленях посреди камеры. У него ужасный вид. Руки и голова забинтованы.

ГЕРМАН. Господи, на тебя уповаю. Да не постыжусь я во век. По правде своей избавь меня и освободи. Преклони ухо твое ко мне и спаси меня. Будь мне твердым прибежищем, куда я всегда мог бы укрываться. Ты заповедал спасти меня, ибо твердыня моя и крепость моя – ты. Боже мой, избавь меня от руки нечестивого из руки беззаконника и притеснителя, ибо ты – надежда моя господи боже и упование мое.

Закрывается одеялом с головой. Плачет, что-то бормочет, издает непонятные звуки. Ворочается. Снова садится и пристально смотрит на противоположную стену камеры.

Мама?

Трясет головой, протирает глаза руками. Снова смотрит на стену.

Мама! Почему у тебя другое лицо. Кто ты?? (*Медленно идет к стене. Ощупывает ее. Оглядывает комнату. В ужасе ковыляет обратно к кровати и снова закрывается одеялом с головой. Через некоторое время осторожно приоткрывает одеяло. Снова медленно подходит к тому месту, где он только что видел мать. Кидается к двери. Стучит в окошко.)*

Выпустите меня! Выпустите меня!

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Кричать не положено.

ГЕРМАН. У меня галлюцинации. Я схожу с ума. *(Кидается к двери и кричит изо всех сил в окошко, в надежде, что его услышат.)* Алексей, ты говорил, что самоубийцы - жалкие бессильные люди, но ведь в безумии человек может совершить предательство. Я…

Рвет простыню на полосы, связывает их и пытается привязать эту «веревку» к решетке на окне. Но окно слишком высоко, Герман слаб и не может достать до него. Наконец, ему

удается зацепить веревку за решетку. Он делает петлю на другом конце и пытается повеситься. Простыня тут же рвется. Он падает. Окошко двери открывается).

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Шуметь не положено.

ГЕРМАН *(ползет к двери и плачет).* Господь бог во всем великолепии снизошел на землю и водворил на ней царствие божие. Бесчеловечно держать меня здесь в юдоли слез и стенаний, дайте мне воссоединится с матерью моей и пребывать в вечном блаженстве и чистейшей радости. *(Добравшись до двери, с трудом встает на ноги и начинает бить в нее кулаком и головой.)* Вы антихристы, изверги, ах я вам…*(Бьется головой о дверь и, потеряв сознание, падает на пол.)*

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Дохтура позовите! Кажись этот, из одиннадцатой, кончился.

СЦЕНА 7.

Девять месяцев заключения.

1.

Камера Алексея (№7)

Алексей лежит на кровати. С трудом садится. Кашляет. У него очень болезненный вид. Пытается встать, вздрагивает от боли. Руками переставляет ноги поудобнее, встает, медленно идет к стене, рассматривает нацарапанные на стене знаки и символы. Окошечко в двери открывается. Это Андрейка принес обед. Алексей с трудом идет к двери.

АЛЕКСЕЙ. Послушайте, я хочу подать еще одно прошение о дополнительном питании. У меня цинга. Я вам говорил. Посмотрите, как у меня распухли ноги. Я сижу здесь уже девять месяцев. Написал три прошения. Почему нет ответа?

АНДРЕЙКА. Мне неизвестно. А доктору я третьего дня докладывал. *(Закрывает окошко.)*

Алексей осторожно, маленькими шажками, несет миску к столу. Ест щи, состоящие, в основном, из одной воды.

АЛЕКСЕЙ. Тараканыч, ты помнишь, что мы после обеда разговариваем? К Елисееву ходим. За чаем и кренделями. *(Пьет кипяток.)* Знаешь, какая моя самая большая любовь в жизни? Книги. И их-то я и лишен. И из-за них я здесь. Я тебе говорил, я с детства много

читал. Когда мы переехали в Москву, я работал с отцом в магазине, а все остальное время сидел в библиотеке при суконной фабрике. Читал все подряд. Сотни книг. Обо всем. Ты знаешь, именно тогда я возненавидел всякое угнетение простых людей. Я помню романы Гюго. Это ж невозможно было читать про бедствия человека. Помню, читаю, и щеки мокрые становятся…Книга способна зажечь в душе человека такое пламя. В этой библиотеке я познакомился со студентами. Меня рекомендовали в их тайное общество. Там были люди…Я таких никогда не видел. Образованные. Умные. Смелые. Попробовал бы их кто-нибудь угнетать. Я сразу почувствовал себя своим среди них. У них была своя библиотека, и ты представляешь, именно там я увидел «Отщепенцев» Соколова. Тебе не понять, что это была за книга. Ее выпустили в продажу за два часа до выстрела Каракозова. Первое покушение на Государя. Четвертого апреля 1866 года. Потом тут же арестовали автора, и почти весь тираж уничтожили. Это была огромная редкость. Она пробыла у меня три дня. Я перечитал ее сто раз. Вообще не спал в эти дни. Меня предупредили, что никакие выписки делать нельзя. И говорить никому о ней нельзя. Иначе «погибнут многие». Так мне сказали. Она начиналась так: «Есть люди, поклявшиеся жить свободно». *(Встает).* Надо ходить. Больно, но надо. Еще пять верст. Ты уж сам следи, чтобы я на тебя не наступил. Не ловок я нынче.

А знаешь, у Каракозова все бы вышло, если б не народ. Какой-то мастеровой его по руке ударил, и он промахнулся. Потом они начали его бить, а он кричал: «Дурачье! Ведь я для вас же, а вы не понимаете!»

Некоторое время молча ходит по камере.

Из «Отщепенцев» тебе почитаю. *(Цитирует книгу по памяти.)* «Вместо того, чтобы принять положение, которое свет предлагал им, они хотели сами добиться смелостью и талантами того места, которое им нравилось. Они не хотели смешаться с толпой и взять в жизни номер. Вместо того, чтобы идти по большой дороге, они побрели в сторону и очутились в страшном одиночестве, в безлюдной степи. Я называю их «отщепенцами». Они проживают свои жизни, проповедуя блаженное социальное устройство и личную свободу. Отщепенцы - все те, кто не думал, не умел или не желал подчиниться общей доле, те, у кого нет ничего, кроме своей великой мечты.» *(Некоторое время ходит молча.)* Ты понимаешь, Тараканыч? Я тоже не захотел взять в жизни номер. *(Продолжает цитировать книгу.)* «Отрицание существующего порядка грабежа и насилия — вот назначение Отщепенства. Такое отрицание непонятно и противно людям с практическим взглядом на вещи, людям старого закала. Горько, невыносимо горько жить отщепенцам в обществе подобных

хищников! Жить с ними, говорить, а тем более действовать с ними заодно — мучение, наказание и нравственная смерть». *(пауза)* Я помню, как прочитал это, и у меня остановилось сердце. Я понял, что и я такой.

2.

Камера Софьи (№9)

Софья сидит на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону.

СОФЬЯ. Господи, спаси меня. Господи, спаси меня. Господи, спаси меня. Я больше не могу. Я больше не могу. Я больше не могу. *(пауза)* Надо взять себя в руки. (П*ристально смотрит в мутное окно.)* Сейчас, наверно, весна.

Андрейка открывает окошко.

АНДРЕЙКА *(дает Софье яйцо).* Поешь.

Софья ест яйцо и всхлипывает.

АНДРЕЙКА. Слышал я, скоро, скоро вам послабление будет. Потерпи.

СОФЬЯ. Алеша тоже говорил, что надо перетерпеть. Как он?

АНДРЕЙКА. Болеет.

СОФЬЯ. Я сегодня весь день пыталась что-то вспоминать. А помню только вот это: «Когда в печальный час умрут все ваши грезы, и счастья луч уйдет от вас, к чему скорбеть о днях былых и лить алмазы-слезы». Кто-то мне написал в альбом.

АНДРЕЙКА. Красиво про счастья луч. А мне вот женка пишет, что корова – загляденье, писаной красоты. Поэтому и берем к лету. А дорого-то. Я им писал, что б до осени подождали, так нет. Невмоготу им. Так уж, мол, коровка хороша. Что б другие не забрали. Вот и переплачиваем. А пусть их.

СОФЬЯ. Корова?

АНДРЕЙКА. Так я ж рассказывал. Холмогорка. За шестьдесят пять рубликов берем. А осенью и за пятьдесят, может, отдали бы. Ничего. Жена пишет, уж такая корова. Молоко не зажимает, не сбавливает. А все равно беспокойство скотине в новом доме будет. Летом-то

легче перемену в участи своей перенесет. На живой-то траве. А уж потом мы и сена хорошего купим, и хлев новый справим. С такими-то деньгами – это уж так хорошо.

СОФЬЯ. Принеси мне книжку.

АНДРЕЙКА. Да пойми ты, не положено.

СОФЬЯ. Я сойду с ума. Я уже все забываю.

АНДРЕЙКА. Не могу я тебе книжку принести. Сразу заметят.

СОФЬЯ. Принеси мне ножницы. Я уже столько прошу. Мне нужно подстричь ногти на ногах. Когда я смотрю на них…Это ужасно. Ужасно.

АНДРЕЙКА. Да я понимаю. Каково барышне в таком виде. Я б принес, да нельзя мне начальству малейшее неудовольствие доставить. Я ведь еще лошадку хочу. И родне помочь нужно. Совсем обнищали они. На мое жалованье все и живы. Уж как Аксинья, жена моя, с маманей бедствовали. Пушного хлеба*** и того не каждый день ели, пока Савелий Петрович меня сюда не пристроил. Я все деньги им отсылаю. Сам перебиваюсь кое-как.

СОФЬЯ. Отведи меня погулять. Я солнце хочу увидеть.

АНДРЕЙКА. Да какое ж сейчас солнце, уж ночь на дворе.

СОФЬЯ. Ночь? А мне показалось, что утро.

АНДРЕЙКА. У тебя ж лампа горит.

СОФЬЯ. Так завтра отведи.

АНДРЕЙКА. Сколько тебе говорить: не положено. Да у меня и ключей от камер нет.

Софья отворачивается от окошка и как лунатик ходит по камере, натыкаясь на кровать и табурет. Трет руками глаза. Присаживается над туалетным сливным отверстием, равнодушно глядя на дверь. В коридоре слышится шум. Андрейка захлопывает окошко.

АНДРЕЙКА. Вот напасть…Уйду я отсюда. Как коровку купим, так и уйду. А лошадку потом уж как-нибудь справлю. *(Уходит.)*

3.

Кабинет Савелия Петровича.

Савелий Петрович и Андрейка пьют чай.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну что там доктор-то говорит про этого, припадочного из одиннадцатого?

АНДРЕЙКА *(читает в своем блокноте).* «припадок исте…ро…э…пи…леп..сии от общего истощения». В лазарет его отнесли.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Чего? Умом он тронулся. Вот и весь сказ. Они завсегда так, которые требуют много. Требуют, кричат, безобразничают. В карцер через день попадают. А через это еще хуже им становится.

АНДРЕЙКА. Он, вроде, не из простых?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Из помещиков. Все свое состояние обществу душегубцев отдал.

АНДРЕЙКА. А много денег-то?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Да триста тысяч, говорят.

АНДРЕЙКА. Ну дела…Я б в деревне иль на фабрике рассказал кому – засмеяли бы насмерть.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Понимаешь теперь, каковы людишки-то? Не зря тут на одного ихнего брата нас по пять человек служит. Значит, вот, они эти деньги и тратили. Книжки свои печатали, бомбы готовили, агитаторов на фабрики посылали. Много дурного на такие деньжищи сделать можно.

АНДРЕЙКА. Триста тысяч…И представить себе такие деньги невозможно. Мы холмогорку за шестьдесят пять покупаем, так все в деревне дивятся.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Отцы-прадеды наживали, а он вот…Тьфу! Даже говорить про такое - срамота.

АНДРЕЙКА. А у седьмого нумера ноги опухли. Я видел. Как бревна стали.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Это уж как водится. Цинга. Сначала ноги пухнут. А как до живота опухоль дойдет, так и помирай. На такой пище всегда так. А что ж, на десять копеек-то в день, когда одна булка пять стоит. Только барышне прибавление.

АНДРЕЙКА. У нас в деревне и хуже, бывало, кормились при неурожае.

Некоторое время оба молчат.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. А доложить бы еще раз надо. Дурной же у нас доктор. Одно название. Пусть хоть пропишет седьмому противоцинготное и молока стакан в день. *(Встает и идет к выходу.)* Слушай, ты про Корею слышал аль нет? Страна такая. Почитай, вот. Прелюбопытная статейка *(Дает Андрейке журнал, уходит.)*

АНДРЕЙКА *(читает вслух).* «Жители Кореи живут в большой нужде. Рис составляет главный предмет питания корейцев. Другие продукты они употребляют почти всегда в испорченном виде. Живут корейцы в грязных бедных хижинах. Торговля в стране ограничивается продажей дров и самых необходимых жизненных припасов. Зеуль, главный город Кореи, не имеет ни цирулен, ни купален и никаких увеселительных мест. На главных улицах лежит непролазная грязь, водосточных канав нет, а о мостовых здесь не имеют и понятия. Корея представляет собой пример материального и нравственного падения страны, находящейся долгое время под гнетом японских завоевателей». *(пауза)* Вот ведь как бывает. А и везде люди живут.

ДЕЙСТВИЕ 2

СЦЕНА 8

Одиннадцать месяцев заключения

1.

Камера Германа. Герман сидит на полу у двери. Его знобит. Звуки за дверью. Это Андрейка разносит арестантам обед. Окошко открывается.

ГЕРМАН *(быстро проговаривает заранее заготовленный текст).* Зачем вы меня в лазарет клали, лечили от цинги, если снова ее намеренно вызываете таким содержанием? Это произвол тюремной администрации. Я требую к себе представителя департамента. Я требую прибавки в питании и обязательных ежедневных прогулок. У вас лазарет не лучше карцера. Это попрание всех божеских и человеческих законов. Я…

АНДРЕЙКА. Не положено тебе.

ГЕРМАН. Я требую обращения на «вы»! Я требую к нам человеческого отношения. Я требую…*(Андрейка захлопывает окошечко.)* Ах, ты так…(*Понимая, что Андрейка еще не*

ушел, а подслушивает под дверью, Герман четко и громко, обращаясь к окошку, произносит речь.)

Мы не сдаемся. И на воле, и здесь, в заключении, мы будем продолжать борьбу против самодержавия, несправедливости и бесчестности жизни в России. Все прогрессивные люди объединяются в этой священной борьбе. Главная наша задача – снять с народа подавляющий его гнет и произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Наши цели: передать землю народу, фабрики и заводы рабочим. Полная свобода слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации. Всеобщее избирательное право. Физическое уничтожение наиболее вредных лиц правительства и формирование боевых отрядов, способных к осуществлению государственного переворота.

Я объявляю голодовку, пока все мои требования не будут удовлетворены.

Андрейка уходит. Тишина. Герман, довольный собой, ложится на кровать.

2.

Камера Софьи.

Софья, прислушиваясь стоит у двери. Андрейка приносит ужин.

СОФЬЯ *(сильно кашляет).* Скажи мне, кто там кричал? Это Герман? Он жив?

АНДРЕЙКА. Да жив он, жив. То в карцере, то в лазарете. А теперь, вон, голодовку объявил. *(Уходит.)*

СОФЬЯ. Жив. *(Она садится на пол прямо у дверей, с миской в руках, плачет, ест суп, потом встает.)* Господи…*(Шатается от слабости, кашляет.)* Какие стихи он мне выстукивал…Не могу вспомнить. Господи, какая же я глупая…(*Бьет себя по щекам, трет лоб, подходит к стене, стучит просто так, пытаясь вспомнить.)* Могила…Да, могила адская. «Пусть ты под сводом могилы адской погребена, но ты и здесь любовью нашей братской окружена. Пускай родных, друзей и света ты лишена, но ты и здесь не без привета, и не одна». (*Плачет, кашляет, прижимает подол платья ко рту, он в крови.*) Господи, спасибо, что я скоро умру. Я ведь тут больше не могу. Какое сегодня число…*(Подходит к стене, но никаких отметок там нет. Доходит до кровати, ложится, замирает. Высовывает из-под одеяла ногу, рассматривает ногти.)* Какой ужас. Как страшно

смотреть. (*В тишине раздается ее непрерывное покашливание. Снова, хромая, идет к двери. Стучит в окошко.)*

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Чего опять? Подведешь ты меня под монастырь.

СОФЬЯ. Какое сегодня число? Я забываю отмечать дни.

АНДРЕЙКА. Восьмое февраля.

СОФЬЯ. Сколько я уже здесь?

АНДРЕЙКА. Год без месяца.

СОФЬЯ. Принеси мне ножницы. Мне больно ходить.

АНДРЕЙКА. Не положено. *(пауза)* Я тебе конфет, вот, принес. Ешь быстрее пока не увидели.

СОФЬЯ *(ест конфеты).* Дедушка покупал мне конфеты. Перед крыльцом он сделал для меня качели. Мы сгребали сухое сено. Для нашей козочки. Няня доила ее, и я пила теплое молоко.

АНДРЕЙКА. А у нас коза по прошлому году умерла. Уж и лечили мы ее лечили. И купоросом, и припарками. А все ж померла. С того и начали бедствовать. А теперь, так совсем другая жизнь у нас.

СОФЬЯ. А еще мы ходили в лес за голубикой. Няня как-то смешно ее называла…Ганобоб…не могу вспомнить…

АНДРЕЙКА. Гонобобель. Уж такая хорошая коровка у нас будет. Вся черная, и пятна белые на груди, на лбу и на заду. Уж такая красивая скотина.

СОФЬЯ. Гонобобель. Я вспомнила. Однажды мы шли обратно, и вдруг все потемнело. Коровы заревели. Я так испугалась. Как мне было страшно… Мне сейчас также страшно.

АНДРЕЙКА. А уж умная она. Жена моя, Аксинья и маманя письма мне пишут. Мол, сколько живут, такой коровы и не видывали.

СОФЬЯ. Я скоро умру? Здесь все умирают?

АНДРЕЙКА. При мне никто еще не помер. А вот я про Корею читал. Страна такая. Ох как там люди мучаются.

СОФЬЯ. У нас в сарае жили куры. Я приносила бабушке яички.

АНДРЕЙКА. У мамани соседские куры огород разрыли. Так раньше пустое было на них жаловаться, на соседей-то. А сейчас нет. Разговор уж другой. Принесли нам яиц три десятка.

СОФЬЯ. А еще у меня был маленький огородик. Там я выращивала горох. Дедушка втыкал крест в грядку. Для гороха. А потом…Что же было потом…

В коридоре голоса. Андрейка закрывает окошко.

АНДРЕЙКА. Блаженная. Ох и тяжеленько здесь. (*Уходит.)*

Софья некоторое время ждет у двери. Не дождавшись, ходит по камере. Начинает так сильно кашлять, что не может говорить. Ложится на кровать, кашляет еще сильнее. Садится на табурет, держит голову руками и кашляет. Тишина.

3.

Камера Алексея.
Алексей сидит на кровати и рассматривает свои ноги. Разговаривает с тараканом.

АЛЕКСЕЙ. Вроде на вид получше становится. А, как ты думаешь, Тараканыч? Помогло молоко. А опять давать перестали. *(Пробует встать, морщится от боли.)* Опять как на иголки встаю. Негодяи. Доводят до цинги. Выводят из нее. И снова туда загонят. *(Сильно закашливается.)* А чахотка-то на месте не стоит. Тут одним молоком не спасешься. В такой-то сырости…Тараканыч, я вот, что подумал, про чахотку: в легких язвочки образуются. Каверны. Я кашляю, и они, наверно, лопаются. Еще хуже заражают здоровую ткань. Надо сдерживать кашель. Всеми силами сдерживать. Не кашлять. Может, поможет. Во-всяком случае, эксперимент проведу. *(У него начинается сильный приступ кашля с кровью, он сдерживает его, падает на кровать, корчится, но старается не кашлять. Наконец, приступ проходит.)* Ух…*(Он встает, медленно ходит по камере.)* Десять верст. *(Окошко отворяется. Это Андрейка принес ужин. Алексей спешит подойти к двери.)* Эй, служивый, подожди за ради бога, скажи мне, кто это кричал так сегодня? Герман Сологуб? Его со мной вместе привезли. Он? Что с ним?

АНДРЕЙКА *(из-за двери).* Не положено. *(пауза)* Он и кричал. Голодовку объявил. Только из лазарета привели, тут и объявил. *(Уходит.)*

АЛЕКСЕЙ. Чем прямее человек, тем труднее ему в этой борьбе остановиться *(Сдерживает кашель.)* Ты, Тараканыч, не такой. Ты ко всему приспособишься. А он будет ее и дальше вести. Будет кричать, требовать, протестовать, браниться. Его будут за это наказывать карцером. В питании еще ограничивать. Злости-то выход нужен, движение. А тут тишина, да ты, Тараканыч. Если соизволишь прийти. Других внешних впечатлений нет. Столько горечи накопится, что только и останется, как оскорбить врага действием и умереть за это. Мне давно рассказывали, один наш товарищ так и поступил. Накануне простучал соседям, что сил у него больше нет, что с ума сойдет, что завтра доктора ударит. Его уговаривали не делать. Он потом на суде перед доктором извинился. Казнили его. *(Сдерживая кашель, с трудом ходит по камере взад-вперед. Рассматривает таракана в углу.)* Ты все сидишь? Слушаешь меня. А я тебе ничего сегодня не оставил. Забыл и сам все съел. Или ты помер? *(Наклоняется, чтобы потрогать таракана, но не делает этого.)* Не буду смотреть. Пусть ты будешь живой. *(Продолжает ковылять по камере.)* Всегда надо сохранять самообладание. У меня на суде был свой метод. Как можно меньше вступать в контакт со своими врагами. Ничего не объяснять. Не спорить. *(пауза)* А какой Герман замечательный организатор. Ты представляешь, в Петербургском университете у них была главная группа. Они объединяли все студенческое движение по стране, печатали прокламации, устраивали демонстрации против властей. А Герман, ты подумай, он на торжественном университетском собрании, там было несколько тысяч человек, шагнул в президиум и залепил пощечину министру просвещения! Ты спросишь зачем…Это потребность души. Ее крик против несправедливости жизни. Тебе не понять. *(Молча ходит по камере.)* Как там Софья…Надо еще расспросить этого, молодого. Может, и скажет. Она яркая, решительная. Выдержит ли…Ты знаешь, такие женщины – это…(*Давится кашлем, который он сдерживает изо всех сил.)* Это наши товарищи. Наше богатство, без которого нам никак не обойтись. *(Снова кашляет, садится на табурет.)* Совсем я плохой становлюсь. *(Встает, ходит по камере, сочиняет стихи.)* **«Сгинули силы…Тускло сияние дня…Холод могилы обнял как саван меня. Чаша все ближе…Мало осталось пути…Благослови же, Родина-мать и прости».

4.

Кабинет Савелия Петровича.

АНДРЕЙКА. Одиннадцатый нумер шестой день голодает. Не ждал я от него. Такой уж немощный.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Глуп ты еще, Андрейка. Такие вот немощные да крикливые лучше голодовку-то держат, чем спокойные и здоровые. Те, глядишь, на третий день уж пищу принимают. А эти поначалу, от этой…как ее…*(Смотрит в бумагу на столе.)*…ис-те-ро-пи-ле-пии своей, и голода не чувствуют. А все ж негоже, что б тут у нас он и помер. *(пауза)* Был уже тут у нас один такой. За товарищей решил голодать. Что б послабления в режиме силой выбить. Ну, мы не препятствовали. А через две недели пришла инструкция: накормить насильно. Мы и накормили щами да кашей, что у всех. А он помер через три дня от воспаления кишок. Нам упрек от начальства вышел. Ты вот что сделай. Как будешь питание разносить, заходи к нему в камеру и стакан молока с собой приноси. И булку белую. Ставь на стол. И ласково так, с ним побудь. Потом уходи. Не принимает – не настаивай. Оставь все на столе и уходи. Понял? Ключи у меня будешь брать.

АНДРЕЙКА. Дядя Савелий, а ты, погляжу, тож их жалеешь иногда. Душегубцев-то.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Я служу. Не за страх, а за совесть. Прикажут мне рябчиков им подавать – сам на базар каждое утро буду ходить, а прикажут голодом уморить – то и сделаю. *(Некоторое время оба молчат.)* Седьмой нумер доктор осматривал. Сказал, чахотка у него. Да цинга впридачу опять. Ну это уж начальство так решили. И с питанием, и с режимом. То давать молоко, то не давать. Не от нас это.

АНДРЕЙКА. Чудной он. Разговаривает часто. Сам с собой. Как будто книжку вслух читает. Но тихо. Не шумит.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Если не шумит, то пусть его. *(пауза)* А поделом им. Ведь к чему призывали… Голяков, тунеядцев бедствующих на достаточных, процветающих тружеников поднимать. Разнузданные инстинкты будили. Да разгул дикий. А Александр Николаевич, царь наш убиенный. Как вспомню, так слезами обливаюсь. Вот у меня статейка та. Храню. Прокурор на суде говорил. *(Достает из стола старую газету, читает.)* «Прислонившись спиною к решетке канала, упершись руками в панель, без шинели и без фуражки, царь-страстотерпец, покрытый кровью, полулежал на земле и уже трудно дышал. Обнажившиеся при взрыве ноги были раздроблены ниже колен, тело висело кусками. Живой образ нечеловеческих мук...».

АНДРЕЙКА. Так это ж не они, не наши. Тех уж казнили.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Все они из того бесовской шайки. Все в том обществе состояли. Гореть им в геенне огненной.

АНДРЕЙКА. А вот барышня из девятого нумера…Все ж не пойму, как она к ним попала. Беленькая такая, слабенькая.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Ох, дурак ты, Андрейка. Известно, как. Бабы – дуры. Кто поманит ласковым словом, за тем и идут. Понял насчет одиннадцатого? Так иди.

Андрейка уходит. Савелий Петрович молча сидит за столом. Читает журнал «Нива».

5.

Камера Германа.

Герман лежит на кровати. Входит Андрейка. Ставит на стол миску, стакан молока, белую булку.

АНДРЕЙКА. Что, опять есть не будешь? Смотри: молоко, булка белая. Ведь помрешь со дня на день.

ГЕРМАН. А вот ты и смотри как по твоей вине человек умирает.

АНДРЕЙКА. Я-то чем виноват?

ГЕРМАН *(говорит в лихорадочном возбуждении).* Да, я не хочу умирать. Но если можно свергнуть самодержавие только перешагнувши через мой труп, так пусть моя кровь проливается.

АНДРЕЙКА. Да уж вы и чужой кровушки достаточно пролили.

ГЕРМАН. Да. И пусть она падет искуплением на пользу человечества!

АНДРЕЙКА. Я вот не пойму. Если у тебя так денег много было, ты б коровок бы разводил, вот как барин наш соседний, да и продавал бы рубликов по сорок. Уж как хороши у него. Породные. Барин-то по шестьдесят пять рублев продает, а ты б подешевше. Или по крестьянским дворам попользоваться безоплатно раздавал. Деток, вон, малых, сколько помирает по весне-то, без молока. Глядишь, и помог бы народу.

ГЕРМАН. Всякая собственность – кража.

АНДРЕЙКА. Тьфу. *(Выходит из камеры.)*

Герман не замечает, что Андрейка уже вышел из камеры и продолжает говорить.

ГЕРМАН. Тёмен ты, служивый, ох как тёмен. И туп. Я буду тебя просвещать. Вот какими словами начинается великое сочинение Прудона: «Как поборник равенства, я буду говорить с вами без гнева и злобы, с независимостью мыслителя, с твердостью и спокойствием свободного человека». А заканчивает он так: «Старая цивилизация умирает. Восходящее солнце равенства освещает уже землю, и скоро закипит она иною жизнью. Пусть промелькнет еще поколение, пусть дряхлые вероломцы доживут последние дни. Но ты, молодежь, негодующая на разврат нашего века, ты, молодежь, жаждущая правды, борись смело за свободу, если любишь родину и признаешь интересы человечества».

АНДРЕЙКА *(смотрит на Германа через глазок).* Как есть умом тронулся. *(Уходит).*

6.

Прошло три дня.

Савелий Петрович и Андрейка разговаривают около камеры Германа.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Как я говорил делаешь?

АНДРЕЙКА. А как же. Три дня уж приношу свежую булку и молоко.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Который день не ест?

АНДРЕЙКА. Девятый день. Уж и не встает почти.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Разговаривает?

АНДРЕЙКА. Да. Такое говорит, что понять невозможно.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Подождем еще. *(Уходит.)*

Андрейка заходит в камеру Германа. Герман лежит на кровати и смотрит в потолок. На столе нетронутые молоко и булка. Андрейка ставит на стол свежую булку и стакан молока.

АНДРЕЙКА. Вот. Принес я тебе. Свеженького.

Герман демонстративно отворачивается лицом к стене.

АНДРЕЙКА. Ты на ногах уж не стоишь. Помираешь.

ГЕРМАН. Я – человек обреченный.

Андрейка забирает вчерашнюю еду. Уходит. Герман некоторое время лежит на кровати. С трудом встает и подходит к столу. Смотрит на булку и молоко, потом на дверь. Говорит, обращаясь к двери.

ГЕРМАН. У нас одна цель – беспощадное разрушение. Мы всегда готовы и сами погибнуть и погубить своими руками всё, что мешает ее достижению. Я в этом убежден, как убежден в том, что земля вертится вокруг Солнца. И когда я взойду на эшафот за счастье народное, и веревка коснется моей шеи, то последняя моя мысль будет…

В этот момент он замечает муху, которая влетела в камеру, когда Андрейка открывал дверь. Все внимание Германа переключается на эту муху. Он делает неловкие попытки поймать ее, ковыляет за мухой по камере. Наконец, муха падает прямо в стакан с молоком. Герман пальцем достает ее из стакана, стряхивает на пол, давит ногой. Машинально облизывает палец. Смотрит на палец несколько секунд и выпивает весь стакан молока. Садится за стол и съедает булку. Андрейка смотрит на него через глазок.

АНДРЕЙКА *(Из-за двери*). Вот и хорошо. Вечером кашки тебе принесу.

СЦЕНА 9

Два года назад.

Комната Алексея. Он сидит за столом. На столе книги и тетради. Стук в дверь. Алексей открывает. Это Герман.

ГЕРМАН. Все за книгами сидишь, книжник!

АЛЕКСЕЙ. Да вот никак не начитаюсь.

ГЕРМАН. Что тут у тебя? *(перебирает книги на столе у Алексея).* Курс астрономии, курс кораблестроения, немецкий по системе Робертсона…Бросай всю эту ерунду. Смотри, что я тебе принес. *(Вынимает из-за пазухи лист бумаги.)* Кибальчич бомбу новую придумал. Просто чудо. *(Оба рассматривают чертеж.)* В жестянку из-под керосина закреплены две стеклянные трубочки: горизонтально и вертикально. В них серная кислота. И грузики свинцовые, видишь? Вот. От любого удара грузик ломает трубочку. Кислота попадает на фитиль, он его какой-то своей смесью пропитает, фитиль горит, огонь доходит до гильзы с гремучей ртутью. Она взрывается. А жестянка то вся гремучим студнем заполнена. Четыре с половиной фунта гремучего студня.

АЛЕКСЕЙ *(рассматривает чертеж).* Занятно.

ГЕРМАН. Это совершенно безопасно перевозить. И два взрывателя, ведь два! Как бы жестянка не упала, не взорваться она не может. Либо горизонтальный рванет, либо вертикальный.

АЛЕКСЕЙ. А скорее всего, оба. Надежная штука. Шанс-то один будет бросить. А радиус поражения какой?

ГЕРМАН. Вот. Он по этой формуле рассчитал. Примерно три аршина. Что б поменьше людей пострадало. И поражающими элементами начинять не стал поэтому. Ну как тебе?

АЛЕКСЕЙ. Кибальчич – гений.

ГЕРМАН. Дай спички. Гений велел тебе показать и сжечь. *(Поджигает бумагу.)*

Стук в дверь. Герман открывает. Входит Софья, бросается ему на шею. Они обнимаются.

СОФЬЯ. У вас горелым пахнет.

ГЕРМАН. Да это…

АЛЕКСЕЙ. Я бумаги пожег.

СОФЬЯ. Я вам пирожных принесла. А что это вы оба такие серьезные? *(Напевает, увлекает Германа танцевать, он не хочет, но подчиняется.)* Алеша, мы в комитете решили, что все документы теперь у меня будут. У тебя опасно. *(Продолжает увлекать Германа в танце.)*

АЛЕКСЕЙ *(наблюдая за Софьей и Германом).* Надо бы вам повенчаться. Хоть фиктивным браком.

СОФЬЯ. Зачем?

АЛЕКСЕЙ. Что б была возможность навещать друг друга в заключении, в ссылку сопровождать. На каторгу, может быть.

ГЕРМАН. Хорошая идея.

СОФЬЯ. Ах, как же мне радостно сегодня! Сама не знаю почему. Хочу жить полно, нравственно, хоть на каторге, хоть где! *(Танцует, увлекает Германа и Алексея за собой.)*

СЦЕНА 10

Год заключения.

1.

Камера Алексея.

Алексей сидит на кровати и давится кашлем, изо всех сил стараясь не кашлять, зажимая себе рот рукой. Делает несколько попыток встать. Не может. Наконец, у него это получается. С трудом доходит до умывальника, наливает воды в кружку, садится на табурет. Смотрит в угол, где лежит высохший таракан.

АЛЕКСЕЙ *(говорит медленно, с большими паузами из-за кашля).* Что ж тебе еще рассказать, Тараканыч? Хоть ты и помер, а все-таки. Про семью я тебе рассказывал? Не помню. Ты думаешь, у меня родных нет? Есть. Я еще когда в предварительном заключении сидел, они ко мне уж не приходили. Отец запретил. Он от меня отказался. Стыдился, что сын в тюрьме. Не понимает, что есть дела, за которые честь тут находиться. Единственная мысль, которая меня давит. Дорогая моя мать. Сколько огорчений она от меня вынесла. А радости не смог я ей принести. Как мне больно оттого, что я навлек на нее столько страданий. О своей же участи я нисколько не горюю. Я давно знал и ожидал, что рано или поздно, а так будет. Я страстно люблю мое отечество. Я желаю ему счастья. Я жил так, как подсказывали мне мои убеждения. Поэтому со спокойной совестью ожидаю свое будущее. Ну вот. Как прощальное письмо написал. Ты – свидетель. А знаешь, и хорошо, что они ко мне не ходят. У многих товарищей такая пытка была… Близкие к ним ходили, рыдали на свиданиях, на колени бросались, умоляли покаяться во всем чистосердечно, выдать товарищей, помилования просить. *(пауза)* Ну все. Поговорил я с тобой. А спать не хочется.

Скоро, скоро конец. И жаль, и не жаль такого конца. Не заслуженно умираю здесь - вот что обидно. А десять верст надо уж доходить сегодня. (*Встает, пытается ходить по камере. Ноги его не держат, он опускается на пол. На четвереньках и ползком он передвигается по камере взад-вперед. Все его тело сотрясается от приступов кашля.)* Тараканыч…А я ведь думал, что нас здесь пытать будут. И знаешь, даже радостно на душе становилось от этой мысли. Вроде как на костер за веру пойти. А оно вон как обернулось…*(пауза)* А все ж я год продержался.

Андрейка смотрит на него через окошко.

АНДРЕЙКА. Священника звать тебе?

АЛЕКСЕЙ. Нет.

Андрейка закрывает окошко, но продолжает смотреть на Алексея в глазок. Алексей еще какое –то время ползает по полу, потом просто лежит на полу, не в силах встать.

2.

Камера Германа.

Герман, приволакивая ногу хаотично перемещается по камере. Залезает и слезает с табуретки, со стола на пол и обратно. Ложится на кровать и тут же встает. Дергает себя за волосы. Смеется. Что-то поет, но слов разобрать невозможно. Бьет кружкой о стену, издает странные звуки. Активно жестикулируя, разговаривает с воображаемым собеседником. Некоторые слова и фразы произносит вслух, а некоторые про себя.

ГЕРМАН. Человек. Ни дел, ни чувств, ни имени. Поглощено единою страстью – революцией. Разорвал всякую связь. Нравственность и привязанности этого мира. Беспощадный враг. Вернее разрушить. Я знаю только науку разрушения. Общественное мнение. Доктринерство. Торжество революции. Задавлены холодной страстью.

Стучит в окошко двери, Андрейка открывает окошко.

АНДРЕЙКА. Чего тебе, блаженный?

ГЕРМАН. Готов ли ты погибнуть сам ради нашего общего дела?

АНДРЕЙКА. Уже доложили о тебе куда следует. Целый день орешь. Ни себе, ни другим покоя нет.

ГЕРМАН. Дай мне твою руку!

АНДРЕЙКА. Зачем?

ГЕРМАН. Я буду ее тереть и тебя гипнотизировать.

АНДРЕЙКА. Да разве ж так гипноз делают?

ГЕРМАН. Так. Потому что я смотрю на тебя как на капитал, обреченный на трату для торжества революции.

АНДРЕЙКА. Смотри коль охота.

ГЕРМАН. Мы единодушно принимаем тебя в наше товарищество.

АНДРЕЙКА. Не дай Бог.

ГЕРМАН. Знаешь ли ты меня?

АНДРЕЙКА. Как не знать. Почитай год тут сидишь.

ГЕРМАН. Я – император Всероссийский. Пошел вон, и не смей больше показываться мне на глаза!

Через некоторое время Андрейка заходит в камеру. Дает Герману миску с кашей. Герман, стоя у двери, ест кашу руками.

АНДРЕЙКА. Ну вот, император. Поешь. Помолчи. Цельные сутки волком воешь. В стены стучишь. Другим-то каково? Да вот хоть барышне вашей. Каково твои истеропилепии слушать? Боится она воплей твоих. Извелась совсем.

Герман внимательно слушает Андрейку. Снимает с себя арестантский халат. Бросает миску на пол. Берет с кровати одеяло и набрасывает себе на голову. Ползает на четвереньках по полу (с одеялом на голове) и собирает руками остатки каши.

АНДРЕЙКА. Вот так. По-тихому сиди. Скоро, скоро заберут тебя в райские кущи. *(Уходит.)*

Герман доедает кашу. Сбрасывает с себя одеяло и начинает танцевать по камере, напевая частушки, слова которых трудно разобрать.

ГЕРМАН. Как на свате-то штаны

После деда-сатаны

Как на свате-то шапчонка

После дедушки-чертенка

У моей милой подружки

Что неделя – новый дружка

А я сроду никого

Волюбившись в одного.

3.

Камера Софьи.

Софья лежит на кровати. Из-за двери доносятся дикие крики Германа и гулкие удары по железной двери. Она закрывает голову одеялом. Это не помогает. Она медленно встает

и идет к двери. Слушает. Зажав уши руками бросается на кровать. Сидит, раскачиваясь из стороны в сторону. Ее колотит мелкая дрожь. Она начинает тихонько всхлипывать. Постепенно всхлипы перерастают в рыдания. Звук открывающегося окошка. Софья бросается к двери.

СОФЬЯ *(говорит с большими паузами, запинаясь на простых словах).* Я не могу больше это выносить. Он безумен? Это ведь Герман? Скажи мне!

АНДРЕЙКА. Скоро его в лечебницу психиатрическую увезут. Ты потерпи уж. Сами мучаемся от него. На вот, держи. *(Протягивает ей кулек с провизией.)* Не ровен час, Савелий Петрович увидит. *(Софья равнодушно берет кулек.)*

СОФЬЯ. Как страшно он кричит.

АНДРЕЙКА. Да мы уж две недели назад представление на него давали. Что б забирали от нас. А не едут вот. В карцер его нельзя. Не по закону. Скоро, слышно, облегчение вам будет. Книжки разрешат и еще что. Питание прибавят. Потерпи.

СОФЬЯ *(ест булку).* Я потерплю. А ты принеси мне ножнички. Ногти на ногах подстричь. На руках обгрызаю, а там…

АНДРЕЙКА. Вот завелась! Не положено. И не проси больше.

СОФЬЯ. Не положено, а ты принеси.

АНДРЕЙКА. Дура – баба. Об ногтях думает. Говорю же тебе: нельзя. Разрешат, я сразу и принесу. *(Захлопывает окошечко. Уходит.)*

Софья медленно ходит по камере, бормоча что-то про себя. Снова раздаются крики Германа и гулкий звук ударов по железной двери. Софья ложится на кровать, закрывается одеялом с головой.

4.

Кабинет Савелий Петровича.

Савелий Петрович и Андрейка пьют чай. Раздаются крики Германа. Топот. Крики караульных.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Никак его не угомонят. Никому покоя не дает: ни нам, ни своим.

АНДРЕЙКА. И то сказать, как по расписанию живет. С утра реветь начинает благим матом. Видать то медведем себя представляет, то еще зверем каким. Полчаса так поорет, а потом кулаками бить в дверь. «Я – император всероссийский». Потом политическое орет. И поет еще. То приличное что, а то и вовсе непристойного содержания. Мне-то не по себе, а каково барышне...

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Сколько раз я тебе говорил ее барышней не называть?

АНДРЕЙКА. Виноват-с.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Должно быть завтра-послезавтра увезут его. Они завсегда так: не торопятся к нам.

АНДРЕЙКА. Часто от нас забирают?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Да не в первый раз. У нас же по одиночкам сидят. Вот и трогаются умом. А ты вот что…Любила она его что ль? Барышня-то? Не спрашивал?

АНДРЕЙКА. Да как же я? Я с ней не разговариваю. Как положено. А все ж тяжело барышням, ну, бабам молодым такое слушать. А ночью так прямо жуть берет.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну ладно. А то уж я подумал... Не хотел говорить, но уж что. Прибавка тебе будет в жаловании. За хорошую службу. Так что, смотри у меня, не подведи.

АНДРЕЙКА. Так я рад стараться! Савелий Петрович, я вот что сказать-то еще хотел. Этот, из седьмого, отказался священника принимать.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Обычное у ихнего брата дело. Доктор уж донесение в Департамент отвез. Помрет через три дня.

АНДРЕЙКА. Сегодня по камере ползал. *(пауза)* А все ж тяжело смотреть, как душа живая помирает.

Савелий Петрович не отвечает.

СЦЕНА 11

Прошло две недели.

1.

Кабинет Савелия Петровича.

Савелий Петрович и Андрейка пьют чай. В коридоре раздаются безумные крики Германа.

АНДРЕЙКА. Вот ироды. Не забирают.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. И то. Комендант уж жаловался на них.

Некоторое время оба молчат.

АНДРЕЙКА. Уж какая коровка будет у нас. Задние ножки кривенькие, а стоит хорошо, крепко. Зад широкий, сама высокая, большая. А вымя какое. Маманя с женой смотреть на нее ходят.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Другим-то не продадут?

АНДРЕЙКА. Нет. Уж задаток взяли.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Значит, довольны они, маманя с Аксиньей? «В кусочки» больше не ходят?

АНДРЕЙКА. Уж как довольны. Мы теперь сами «кусочки» подаем. Грех не подать, коли хлеб есть. Уж как мы вам благодарны, Савелий Петрович. Во век не забудем.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Не передумал в деревню-то возвращаться?

АНДРЕЙКА. Нет. Не могу я смотреть на этих душегубцев. Еще подкоплю рублей и уеду.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Экий ты чувствительный. Ну, как знаешь.

АНДРЕЙКА. А доктор-то, выходит, ошибся? Насчет седьмого?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Что с него…Запойный. Он зачем его в лазарет-то велел отнести? Ну, что б по закону, при уходе как бы помер. А тот неделю в беспамятстве провалялся, и в себя пришел. Живет пока... Чудеса-с.

2.

Прошло три дня.

Камера Софьи (№9).

По всему этажу раздаются дикие крики и пение Германа. Софья лежит на кровати, укрывшись одеялом с головой. Андрейка открывает окошко. Софья не реагирует.

АНДРЕЙКА *(через окошко).* Эй, барышня, подь сюда!

Софья не реагирует. Андрейка, оглядываясь по сторонам, отпирает дверь и заходит в камеру. Трогает Софью за плечо. Она приоткрывает одеяло.

СОФЬЯ. Я его боюсь. Глаза закрыть боюсь.

АНДРЕЙКА. Вылезай, вылезай. Всем уж сил от него нет. Я ключи взял без спросу, пока Савелий Петрович в департамент поехал. *(Отдает Софье кулек.)* Мне гостинцы из дома прислали. Тут яички и смотри-ка: сметанка от холмогорки! Купили мы коровку-то! Ешь прямо сейчас и крынку мне отдай, а то попадемся мы с тобой.

СОФЬЯ *(пальцем ест сметану).* Ты мне ножнички принес?

АНДРЕЙКА. Принес, принес. Держи. Уж такой день! Ты ешь сметанку-то, ешь! Хороша сметана?

СОФЬЯ. Хорошая.

АНДРЕЙКА. Аксинья пишет, из соседних деревень смотреть приходили. Корову-то. С такой коровой совсем другая жизнь у нас пойдет. И курей купили. Вот, яички от них. Смотри, я Аксинье платок новый купил. *(Показывает платок.)* Скоро, скоро уж увидимся.

СОФЬЯ. Красивый платок. *(Доедает сметану, отдает ему крынку.)* Ты отойди пока. Не смотри как я ногти буду стричь.

АНДРЕЙКА. Давай только по-быстрому. Я приду – заберу.

Андрейка выходит, запирает камеру. Софья садится на кровать. Смотрит на свои ноги. Начинает стричь ногти. Раздаются дикие крики Германа. Она закрывается одеялом. Всхлипывает. Некоторое время шевелится, потом затихает.

Через некоторое время окошко открывается.

АНДРЕЙКА. Давай скорее ножнички! *(Т.к. ответа нет, заглядывает в окошко, насколько это возможно. Снова стучит.)* Эй! Барышня! *(Убегает и возвращается обратно с Савелием Петровичем. Они входят в камеру Софьи. Откидывают одеяло. Софья, уже мертвая, лежит вся в крови.)* Как же это…Господи, как же…

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Эх ты…

СЦЕНА 12

Пятнадцать месяцев заключения.

1.

Камера Алексея.

Алексей спит на кровати. Просыпается, встает, умывается. Вид у него болезненный, но он идет на поправку. Ходит прихрамывая. Видит таракана в углу.

АЛЕКСЕЙ. Тараканыч, здравствуй! Ты не умер? И я нет! *(Собирает крошки со стола и сыплет их таракану. Подходит к стене, где были нацарапаны даты и цифры. Там все заросло плесенью.)* Эх, заново все писать. Какое сегодня число? *(Некоторое время размышляет об этом, расхаживая по камере).* Примерно пятнадцатое июля. *(Царапает дату на стене, но останавливается.)* Надо бы уточнить. Черт знает сколько я в беспамятстве пролежал. *(Стучит в окошко).*

К двери подходит Савелий Петрович. Открывает окошко.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Чего надо?

АЛЕКСЕЙ. Пожалуйста, скажите мне, какое сегодня число?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Одиннадцатое июля.

АЛЕКСЕЙ. А где этот, молодой караульный, что при мне тут был?

Савелий Петрович входит к нему в камеру.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Осужден за несоблюдение особых обязанностей караульной службы.

АЛЕКСЕЙ. Каких обязанностей?

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Барышне вашей ножнички принес. Что б подстричь, значит, ногти на ногах. А она возьми, да и вены себе порезала. Что вы за люди такие. И сами не живете, и другим жить не даете. Хорошего человека загубили.

АЛЕКСЕЙ. Софья…А Герман Сологуб? Он жив? Нас троих вместе сюда привезли.

САВЕЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Так его еще две недели назад в Казанскую психиатрическую отправили. *(Некоторое время оба молчат.)* Послабление вам вышло. На той неделе предписание пришло из департамента. Удовлетворили прошения ваши. Прогулки каждый день. Питание тож. И книжки разрешили. Завтра список принесу. А пока вот: бумага, карандаши. *(Кладет на стол тетрадку и карандаши.)* Тетрадка пронумерованная. Листы не вырывать. А скоро и свидания, видать, разрешат. (Уходит.)

Алексей садится на табурет, обхватив голову руками. Плачет.

АЛЕКСЕЙ. Тараканыч… Помнишь я тебе читал про отщепенцев? Там в конце было… *(Цитирует книжку по памяти.)* «Отщепенец идет без хитрости и притворства, среди свистков и смеха, неся пред собой, как светоч, свою гордость. Приходит гонение и нищета и задувают этот светоч, схватывают безумца и свергают в пропасть. Я видел храбрецов, людей великодушных, благородных, которые увядали и умирали, потому что бесстрашно насмеялись в глаза практической жизни. И она отомстила им, погубив их смертью медленною, в продолжительной агонии, полной тяжких страданий и бесчеловечных мучений». Отомстила и погубила…*(Плачет.)*

Через несколько лет по амнистии одиночное заключение Алексея было заменено ссылкой на поселение в одну из отдаленных губерний Российской империи.

Конец

* Послание – Реформа по отмене крепостного права в 1861г.

** - стихотворения Н. Морозова

*** - Пушной хлеб – мучная смесь ржи с мякиной, пронизанная тонкими иголками мякины.

2020г

При написании пьесы были использованы следующие материалы:

Воспоминания Колотилова И.П, Колотиловой Р.И. из семейного архива Фоминой А.И.

Н. Морозов «Повести моей жизни»

В. Фигнер «Запечатленный труд»